

12+

Дмитрий Герасимов

ИММАНУИЛ КАНТ

В пересказе для
детей

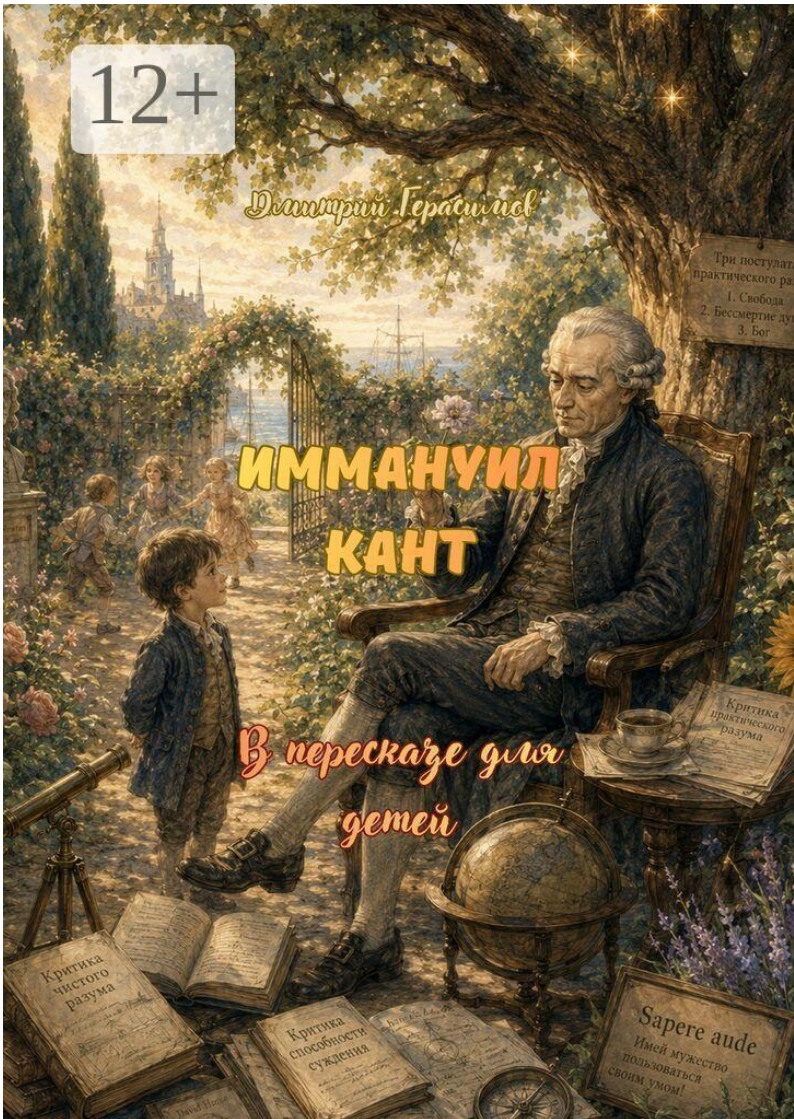
Три постулата
практического разума
1. Свобода
2. Бессмертие души
3. Бог

Критика
практического
разума

Критика
чистого
разума

Критика
способности
суждения

Sapere aude
Имей мужество
пользоваться
своим умом!

Дмитрий Герасимов Иммануил Кант. В пересказе для детей

<https://litres.ru/74225912>

ISBN 9785007041652

Аннотация

Эта книга — приглашение для юных и взрослых в увлекательное путешествие по идеям Иммануила Канта. Сложнейшие «Критики» и «Основоположения» пересказаны здесь живым, образным языком, понятным каждому. Читатель узнает, как разум строит мир, почему свобода существует, и что на самом деле значит «думать самостоятельно». Философия здесь не музей, а компас, помогающий ответить на главные вопросы: что я могу знать, что должен делать, на что смею надеяться. Это путешествие в мир разума, долга и красоты.

Содержание

Предисловие	5
Критика чистого разума	20
Введение	29
Трансцендентальная эстетика	46
Трансцендентальная логика	61
Глава первая: Аналитика понятий, и в ней — поиск чистых рассудочных понятий, или категорий	63
Глава вторая: Дедукция чистых рассудочных понятий (или Трансцендентальная дедукция)	66
Аналитика основоположений: Схематизм	70
Система всех чистых основоположений рассудка	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Иммануил Кант

В пересказе для детей

Дмитрий Герасимов

© Дмитрий Герасимов, 2026

ISBN 978-5-0070-4165-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель, юный или взрослый, впервые берущий в руки эту книгу или уже прошедший с нами долгий путь по страницам философских пересказов!

Позволь мне начать это предисловие не с сухих фактов и не с перечисления заслуг, а с одного воспоминания. Представь себе Кёнигсберг конца XVIII века — город на восточной окраине Пруссии, куда доносится эхо европейских бурь, где в порту пахнет рыбой и пряностями, а по брусчатым мостовым спешат купцы, офицеры, студенты. И вот каждое утро, ровно в пять часов, в одном и том же доме на Принцессин-штрассе просыпается невысокий, худощавый человек с голубыми глазами и неизменной треуголкой под мышкой. Он никогда не был женат, никогда не покидал родной провинции дальше чем на несколько десятков миль, и весь его мир, казалось бы, уместился в стенах кабинета, заставленного книгами. Но этот человек совершил переворот, который изменил всё. Имя ему — Иммануил Кант.

Почему мы говорим о нём сегодня, два с половиной столетия спустя? Почему его книги, написанные тяжёлым, порой неуклюжим немецким языком, до сих пор читают, переводят, обсуждают? Почему каждый крупный философ по-

сле него — хотим мы того или нет — вынужден был определять свою позицию по отношению к Канту? Ответ прост и грандиозен одновременно. Кант сделал с философией то же, что Коперник сделал с астрономией. Он перестал спрашивать: «Как устроен мир?» — и спросил: «Как устроен наш разум, который познаёт мир?» Он показал, что мы не просто пассивно отражаем реальность, как зеркало, а активно её строим. Мы носим в себе, до всякого опыта, удивительные «очки» пространства и времени. Мы оснащены двенадцатью «станками» — категориями, которые превращают хаос ощущений в стройную картину природы. И одновременно, в глубине нашего существа, звучит голос морального закона, который делает нас свободными, даже если весь мир твердит, что мы — лишь винтики в машине причин и следствий.

Этот переворот имел колоссальные последствия. Он дал науке прочный фундамент, объяснив, почему математика и физика возможны как строгие науки. Он освободил мораль от подчинения церковным догмам и государственным указам, показав, что каждый человек носит закон в собственном разуме. Он ограничил знание, чтобы освободить место для веры, и этим спас религию от разрушительной критики скептиков. Он заложил основы современных представлений о правах человека, о достоинстве личности, о свободе как высшей ценности. Без Канта не было бы ни немецкой классической философии, ни многих течений XX века — от фено-

менологии до экзистенциализма. Даже те, кто спорил с ним, — Гегель, Шопенгауэр, Ницше, — строили свои системы на фундаменте, который он заложил.

Но сегодня я обращаюсь к тебе не только как к читателю, который хочет прикоснуться к классике. Я обращаюсь к тебе как к человеку, живущему в России XXI века. И здесь мысль Канта приобретает особое, я бы сказал — судьбоносное звучание.

Россия — страна великой культуры и трагической истории. Мы можем гордиться Пушкиным и Достоевским, Менделеевым и Сахаровым, но мы не можем сказать, что идеалы разума, свободы и достоинства личности стали здесь общим достоянием, воздухом, которым дышит каждый. Именно поэтому Кант нужен нам сегодня так остро. Не как музейный экспонат, не как обязательный пункт в списке «великих философов», а как живой собеседник, который учит нас думать самостоятельно, слышать голос совести и не бояться свободы.

Я смотрю на молодых людей. На тех, кто ещё не окостенел в привычках, не разуверился в силе мысли, не продал свою свободу за миску чечевичной похлёбки комфорта и стабильности. На тех, кто готов пройти трудный путь самопознания. Эта книга написана в первую очередь для вас, юных. Но я

верю, что и взрослые найдут в ней не меньше пользы и радости, ведь учиться пользоваться собственным разумом никогда не поздно. Кант сам говорил, что его философия не для школ, а для жизни. Она для всех, кто готов задать себе три великих вопроса: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?»

Теперь позволь мне рассказать немного о самом Иммануиле Канте — не как о бронзовом памятнике, а как о живом человеке, который прошёл путь, достойный восхищения и подражания. Иммануил Кант родился 22 апреля 1724 года в Кёнигсберге, столице Восточной Пруссии, в семье потомственного шорника — ремесленника, изготавливавшего сёдла и конскую упряжь. Его отец, Иоганн Георг Кант, был человеком скромного достатка, но глубокого благочестия. Мать, Анна Регина, урождённая Рейтер, была женщиной необычайной душевной тонкости, образованной для своего круга и наделённой природным умом. Именно она первой разглядела в маленьком Иммануиле необыкновенные способности и сделала всё, чтобы дать ему образование. Она водила его на прогулки, показывала звёзды, рассказывала о строении мира и внушала, что нет ничего важнее правдивости и доброй совести. Кант до конца жизни с благодарностью вспоминал мать и её уроки.

Семья была пиетистской — это течение в лютеранстве, ко-

торое делало упор не на обряды, а на внутреннее благочестие, на нравственную чистоту и личную веру. Этот дух глубоко повлиял на Канта, даже когда он впоследствии отошёл от церковной ортодоксии. Вся его этика, весь его пафос долга и уважения к моральному закону несут на себе печать того, что он впитал в детстве.

Кант учился в Фридрихс-Коллегиуме — престижной гимназии, где основными предметами были латынь и греческий, история и религия. Атмосфера была строгой, уроки начинались в семь утра и длились до четырёх дня. Но именно там он получил классическое образование, которое сделало его одним из самых образованных людей своего времени. В 1740 году, в возрасте шестнадцати лет, он поступил в Кёнигсбергский университет — Альбертину. И здесь началась его долгая, полная трудов и лишений жизнь, посвящённая одной страсти — познанию.

Первые годы самостоятельной жизни были нелёгкими. Отец умер, когда Канту было двадцать два года, и он остался без всякой финансовой поддержки. Ему пришлось на долгие девять лет уйти из университета и зарабатывать на жизнь домашним учителем в дворянских семьях Восточной Пруссии. Представь себе: молодой гений, уже мыслящий о фундаментальных законах мироздания, учит грамматике и арифметике барчуков, чтобы не умереть с голоду. Он не жаловал-

ся. Он использовал это время для наблюдения за людьми, для изучения нравов разных сословий, для оттачивания своего педагогического метода. И когда он накопил достаточно средств, он вернулся в университет, чтобы уже никогда его не покидать.

В 1755 году Кант защитил магистерскую диссертацию и получил право читать лекции в качестве приват-доцента. Это означало, что университет не платил ему жалованья — он жил только за счёт платы, которую вносили студенты. Он читал лекции по логике, метафизике, физике, математике, географии, этике, антропологии — по двадцать и более часов в неделю. Он был блестящим лектором, остроумным и ясным, и студенты его обожали. Но денег едва хватало на скромную жизнь. Лишь в 1770 году, в возрасте сорока шести лет, он получил, наконец, должность ординарного профессора логики и метафизики с твёрдым жалованьем. До этого он жил почти как аскет, отказывая себе во многом.

Здесь я хочу остановиться и подчеркнуть: Кант — *self-made man* в философии. Он не родился в богатой или знатной семье. У него не было покровителей, которые продвигали бы его карьеру. Он не унаследовал ни денег, ни связей. Всё, чего он достиг, — результат его собственного труда, его дисциплины, его гения. Это пример для всех нас: неважно, где ты родился и сколько у тебя денег; важно, как ты умеешь

мыслить и работать.

Жизнь Канта была подчинена строжайшему распорядку. Он вставал в пять утра, работал до семи, затем читал лекции, после обеда совершал свою знаменитую прогулку (ровно в одно и то же время, так что соседи сверяли по нему часы), вечером читал, писал, принимал друзей. Обед был его единственной полноценной трапезой, и он всегда приглашал к столу гостей — но не философов, а людей разных профессий, чтобы разговор был живым и разнообразным. Он считал, что застольная беседа — важнейшая часть культурной жизни, и разработал целую миниатюрную философию обеденного разговора.

Кант никогда не был женат. Однажды, когда он уже был в годах, друзья спросили его, не жалеет ли он об этом. Он ответил с улыбкой: «Когда я мог бы нуждаться в жене, я не мог её содержать, а когда я мог содержать, я уже не нуждался в ней». Но это не было сухостью сердца. Его дом был открыт для друзей, он был заботливым братом и дядей, а его переписка полна теплоты и участия.

В его жизни было несколько эпизодов, которые я хочу поставить тебе в пример как свидетельства его нравственной твёрдости и интеллектуальной честности. Первый эпизод. В 1794 году, уже после публикации «Религии в пределах од-

ного только разума», прусский король Фридрих-Вильгельм II, напуганный французской революцией и подозревавший в свободомыслии угрозу трону, издал кабинетный указ, запрещающий Канту писать и преподавать на религиозные темы. Кант, которому было уже семьдесят лет, чья слава гремела по всей Европе, мог бы проигнорировать этот запрет или вступить в открытую конфронтацию. Но он поступил мудрее. Он ответил королю письмом, в котором дал личное обещание как «верноподданный Вашего Величества» воздерживаться от публикаций на религиозные темы — но только на время правления этого короля. Когда король умер, Кант счёл себя свободным от обещания и вернулся к этой теме в «Споре факультетов». Это был поступок человека, который не ищет мученичества, но и не поступается принципами, находя тонкий и достойный выход из положения.

Второй эпизод. Уже глубоким стариком, чувствуя приближение смерти, Кант попросил своего друга и бывшего ученика Васянского сестъ. Васянский сел. Тогда Кант, собрав последние силы, сказал: «Я ещё не потерял сознание морального закона». И лишь затем позволил ему встать. До последнего вздоха он оставался верен тому, чему учил.

Кант прожил долгую жизнь. Он умер 12 февраля 1804 года, не дожив двух месяцев до восьмидесятилетия. Его последними словами были «Es ist gut» — «Хорошо». Он был

похоронен с великими почестями, и весь Кёнигсберг вышел проводить его. Его могила находится у Кафедрального собора, и на ней высечены слова, которые он сам подарил человечеству: «Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне».

Теперь давай поговорим о том, какие именно работы Канта представлены в этой книге и почему выбор пал именно на них.

Кант был чрезвычайно плодовитым автором. Его полное академическое собрание сочинений занимает двадцать девять томов. Но три его произведения составляют незыблемый фундамент всего его наследия, три столпа, на которых держится храм критической философии. Это три «Критики»: «Критика чистого разума» (1781, второе издание — 1787), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790). К ним мы добавили «Основоположения метафизики нравов» (1785) — небольшой, но кристально ясный трактат, который служит идеальным мостом между второй «Критикой» и конкретными моральными учениями. И наконец, уже здесь во Введении мы включили в книгу краткий разбор знаменитой статьи Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784), которая, как я покажу далее, венчает всё здание и служит камертоном для нашего восприятия кантовской мысли.

Почему именно эти работы? Позволь обосновать.

«Критика чистого разума» — это таран, пробивший стену догматической метафизики. В ней Кант исследует границы нашего познания и приходит к выводу: мы можем познавать только явления, то есть вещи такими, какими они нам являются через наши формы чувственности (пространство и время) и категории рассудка (причинность, субстанция, единство и так далее). Вещи сами по себе, «ноумены», остаются для нас навсегда закрытыми. Это не значит, что их нет; это значит, что наука имеет свои законные границы, за которые она не должна выходить. Без понимания этого кантовского различения невозможно понять ни современную теорию познания, ни философию науки, ни споры о реализме и конструктивизме, которые ведутся до сих пор.

«Критика практического разума» разворачивает перспективу от природы к свободе. Если в первой «Критике» человек — познающий субъект, подчинённый законам причинности, то здесь он предстаёт как моральный деятель, свободный и ответственный. Кант формулирует категорический императив: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». Это не просто красивая фраза; это принцип, который можно применять в повседневной жизни, проверяя свои на-

мерения на всеобщность. В эпоху, когда традиционные моральные авторитеты теряют силу, а люди теряются в море релятивизма и цинизма, кантовская этика долга остаётся самым надёжным компасом.

«Критика способности суждения» завершает систему. Она наводит мост между царством природы и царством свободы, показывая, как в нашем опыте прекрасного и возвышенного, а также в нашем восприятии живых организмов как целесообразных систем, раскрывается глубинная гармония мироздания. Эта книга — ключ к философии искусства, к биоэтике, к экологической мысли. Она показывает, что человек — не только познающая машина и не только моральный автомат, но и существо, способное к бескорыстному наслаждению красотой и к благоговению перед величием природы.

«Основоположения метафизики нравов» — это кристально ясное введение в этику Канта, где он вводит знаменитые формулировки категорического императива, включая формулу человечества как цели: «Относись к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого всегда как к цели и никогда — только как к средству». Эта книга — основа современной философии прав человека и человеческого достоинства.

Но, возможно, самый короткий и самый мощный текст Канта, его завещание всем последующим поколениям — это небольшая статья «Что такое Просвещение?». Позволь мне разобрать её подробнее, ибо она есть идеальное завершение всякого введения в кантианскую философию и одновременно — приглашение к её дальнейшему изучению.

Кант начинает эту статью словами, которые стоит выучить наизусть: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны какого-либо другого. По собственной вине — означает, что причина этого несовершеннолетия заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения».

Почему же люди так охотно остаются в состоянии несовершеннолетия? Кант отвечает с горькой иронией: это удобно. Если у меня есть книга, которая думает за меня, пастырь, который имеет совесть за меня, врач, который предписывает мне диету, — мне не нужно утруждать себя. Я могу просто платить деньги и перекладывать ответственность на других. Более того, опекуны (государство, церковь, идеологии) вся-

чески поддерживают этот страх, внушая людям, что самостоятельное мышление опасно и трудно. Они говорят: «Не рассуждайте, а подчиняйтесь!» Так поддерживается инфантильность целых народов.

Но Кант не призывает к бунту и анархии. Он проводит важнейшее различие между «публичным» и «частным» применением разума. Частное применение — это когда ты исполняешь свои гражданские обязанности, свою должность. Здесь разум может и должен быть ограничен: солдат на службе не рассуждает, а выполняет приказ; чиновник собирает налоги, а не дискутирует о справедливости налоговой системы. Но вот публичное применение разума — когда ты выступаешь как учёный, писатель, гражданин, обращающийся к широкой публике, — здесь никаких ограничений быть не должно. Ты имеешь право и обязанность говорить то, что думаешь, критиковать законы, религиозные установления, государственные порядки, даже если на службе ты им подчиняешься. Это тонкое, но гениальное различие спасает общество и от анархии, и от тирании.

Кант завершает статью вопросом: «Живём ли мы теперь в просвещённый век?» И отвечает: «Нет, мы живём в век Просвещения». Это не констатация факта, а программа действий. Просвещение — не состояние, достигнутое однажды, а бесконечный процесс. И Кант, оговариваясь, что говорит

это под защитой просвещённого монарха Фридриха Великого, фактически посылает сигнал всем монархам будущего: свобода мысли — не угроза порядку, а его основание.

Теперь ты понимаешь, почему эта статья — идеальное завершение Введения в нашу книгу и одновременно её камертон. Она говорит о том, ради чего мы вообще изучаем философию. Не ради сдачи экзаменов. Не ради того, чтобы блеснуть эрудицией в учёной беседе. А ради того, чтобы выйти из состояния несовершеннолетия. Чтобы обрести мужество думать самостоятельно. Чтобы не позволять никому — ни политику, ни проповеднику, ни популярному блогеру — думать за тебя.

Именно поэтому я приглашаю к чтению этой книги не только детей и подростков, но и взрослых. Более того, я осмелюсь сказать: эта книга нужна взрослым даже больше, чем детям. Ребёнок ещё не успел закостенеть в предрассудках; он спрашивает «почему?» и не удовлетворяется ссылкой на авторитет. Взрослый же часто уже сдался, уже привык, что за него думают другие — телевизор, начальник, партия, реклама. Ему труднее. Но и награда для него может быть больше: вернуть себе юношескую свежесть ума, заново открыть в себе способность удивляться и спрашивать.

Пусть же эта книга станет для тебя, мой читатель, тем са-

мым приглашением к выходу из несовершеннолетия. Пусть каждое твоё «я не знаю» превратится в «я должен узнать». Пусть каждое «так говорят» сменится вопросом: «А верно ли это?» Пусть каждое «я не могу» уступит место решимости: «Я попробую, потому что это мой долг перед самим собой».

Ты держишь в руках книгу, которая пересказывает одни из самых трудных текстов в истории человеческой мысли. Мы постарались сделать их доступными, живыми, образными, не теряя при этом строгости и глубины. Но помни: никакой пересказ не заменит чтения самого Канта. Пусть эта книга станет для тебя не конечным пунктом, а картой, которая поможет тебе однажды подойти к первоисточнику и услышать голос самого кёнигсбергского мудреца.

А теперь — переверни страницу. Путешествие начинается. Звёздное небо над головой и моральный закон внутри тебя ждут твоего взгляда. И помни девиз: *Sapere aude!* Имей мужество пользоваться собственным умом.

Критика чистого разума

Дорогой мой друг, стоящий на пороге огромной, сверкающей и немного пугающей взрослой жизни!

Я пишу это предисловие специально для тебя. Возможно, ты держишь в руках эту книгу — не ту, что написал Кант два с половиной века назад, а нашу, пересказанную простыми словами, — с некоторым недоверием. Философия? «Критика чистого разума»? Звучит как название старинного замка, в который страшно входить. Кажется, что там живут суровые профессора в напудренных париках, говорящие на непонятном языке, и что всё это не имеет к твоей жизни ни малейшего отношения. Позволь мне развеять этот миф прямо сейчас, с первой же минуты нашего знакомства.

Представь себе, что ты получил в подарок невероятно сложный, волшебный прибор. Он может всё: мечтать, строить планы, считать звёзды, придумывать стихи, создавать новые миры в воображении и влюбляться так, что сердце замирает. Этот прибор — твой разум. Но, как и любой сложный прибор, он имеет свою инструкцию, свои скрытые кнопки, свои пределы и свои гениальные хитрости. Без инструкции можно пользоваться им наугад, можно даже сделать что-то хорошее, но можно и запутаться в ошибках, принять ми-

раж за реальность, сломать важный винтик и потом всю жизнь удивляться, почему всё идёт не так. Так вот, «Критика чистого разума» — это самая подробная, самая честная и самая захватывающая инструкция к твоему разуму из всех, что когда-либо были написаны.

Её автор, Иммануил Кант, жил в далёком Кёнигсберге (современном Калининграде) и почти не покидал родного города. Он был невысок, пунктуален до минуты, и соседи шутили, что по его прогулкам можно сверять часы. Но этот тихий кабинетный мыслитель совершил в мире идей революцию, сравнимую с открытием Коперника. Как Коперник понял, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот, так Кант понял: не наш разум послушно отражает мир, словно зеркало, а сам разум активно строит тот мир, который мы видим. Он предписывает природе законы. Он носит в себе, ещё до всякого опыта, удивительные «очки» пространства и времени и целый цех «станков» — категорий, которые превращают хаос ощущений в стройную картину реальности. Этот переворот изменил всё: науку, искусство, наше понимание свободы, веры и долга.

Но Кант — не просто изобретатель головоломных теорий. Он глубоко переживал за человека. Он видел, как легко мы впадаем в иллюзии, когда пытаемся рассуждать о том, что за пределами нашего опыта — о душе, о Боге, о мире в це-

лом. Он видел, как философы веками ломали копья в бесконечных спорах, не в силах прийти к согласию. И он захотел положить этому конец. Не чтобы запретить мечтать или верить, а чтобы отделить твёрдую почву знания от зыбкого тумана фантазий. Он ограничил знание, чтобы освободить место для веры — не слепой, а разумной, нравственной. Он сказал, что есть вещи, которых мы не можем доказать, но в которые мы можем и должны верить, если хотим быть честными и добрыми людьми.

Эта книга — приглашение в невероятное путешествие. Я не шучу. Читая её, ты словно садишься на корабль с надписью «Чистый разум» и отправляешься в плавание по волнам собственного сознания. Мы вместе пройдем все его палубы и каюты. Сначала заглянем на капитанский мостик Введения, где поставим главный вопрос: откуда мы знаем то, что знаем, и как возможно новое знание, которое при этом верно всегда и везде? Этот вопрос будет нашим компасом. Затем спустимся в машинное отделение Трансцендентальной эстетики и обнаружим два волшебных механизма — Пространство и Время, которые изначально встроены в наш способ видеть мир. Ты узнаешь, почему мы никогда не сможем представить мир без них, и как математика возможна именно благодаря этим внутренним формам.

Потом мы поднимемся на главную палубу — Трансцен-

дентальную аналитику. Там кипит работа! Мы увидим двенадцать великих мастеров — Категорий — таких как Причина, Субстанция, Взаимодействие. Они, словно искусные ткачи, сшивают разрозненные ощущения в целостный гобелен природы. Мы проследим, как чистые понятия получают законное право применяться к миру (это называется «дедукция», но не пугайся — это как юридическое доказательство прав). И мы построим целую фабрику «основоположений» — самых главных законов, без которых природа не могла бы быть познана. Ты увидишь, как работает закон сохранения, причинность и многое другое.

Но это ещё не всё. Самая высокая башня нашего корабля — Трансцендентальная диалектика. Оттуда открывается головокружительный вид на три великих миража, которые неизбежно рисует разум, когда хочет вырваться за пределы опыта: Душу, Мир как целое и Бога. Мы увидим, как в красивых силлогизмах прячутся паралогизмы (ошибки), как сталкиваются лбами в неразрешимых антиномиях противоположные утверждения о мире (например, что мир конечен и бесконечен одновременно), и как рушатся все теоретические доказательства бытия Бога. Это не для того, чтобы всё разрушить и остаться в пустоте, а для того, чтобы понять: настоящее знание имеет границы, а за ними начинается пространство нашей свободы, нашей моральной веры, нашей человечности. Оказывается, главные вопросы — не «как устро-

ен атом», а «что я должен делать» и «на что я могу надеяться».

Наконец, мы достигнем тихой гавани Трансцендентально-го учения о методе. Там мудрый капитан Кант даст нам свод правил — дисциплину, чтобы разум не сбивался с пути, канон, чтобы у нас были надежда и вера, и архитектонику — чертёж будущего великого здания всей человеческой мудрости. И в конце он окинет взглядом историю, покажет нам карту всех философских дорог и скажет, какой путь выбрал сам.

Знаешь, почему я обращаюсь именно к тебе, к подростку, а не к седовласому академику? Потому что именно сейчас, когда ты вступаешь в новую жизнь, ты как никто другой задаёшь себе те самые кантианские вопросы. Что я могу знать? Перед тобой открывается мир знаний — ты будешь учиться, познавать, разбираться в сложном. Тебе нужно понять, где проходит граница между надёжным знанием и пустыми догадками, чтобы не заблудиться. Что я должен делать? Ты сталкиваешься с выбором, с друзьями, с совестью, с несправедливостью. Моральный закон внутри тебя уже сейчас подаёт голос; тебе нужно лишь научиться его слышать и не заглушать. И на что я могу надеяться? Когда мечты разбиваются, когда бывает трудно, именно надежда, опирающаяся на веру в добро и справедливость, помогает идти дальше.

«Критика чистого разума» — не собрание мёртвых истин. Это тренажёрный зал для ума, где ты учишься отличать подлинное от иллюзорного, критически мыслить, не быть обманутым ни другими, ни самим собой. Это школа интеллектуальной честности. И это, как ни странно, великая школа свободы. Потому что, поняв границы своего разума, ты перестаёшь быть рабом догм и предрассудков. Ты обретаешь внутреннюю независимость.

Мы написали наши пересказы так, чтобы даже ребёнок мог понять Канта, но это не значит, что они детские в смысле наивности. Каждая метафора — корабль, фабрика, очки, башня — это точная философская иллюстрация. Я старался сохранить всю глубину мысли, всю строгость кантовских аргументов, но облечь их в живые, тёплые слова, которые ложатся на сердце. Ты найдёшь здесь не скучную лекцию, а занимательную историю-путешествие, полную загадок и открытий. Ты можешь читать её с карандашом, можешь рисовать свои собственные карты и чертежи, можешь спорить с Кантом — он бы только одобрил, потому что критический дух есть дух самой философии.

Помни главное: в каждом из нас есть две вещи, которые наполняют душу всё новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размыш-

ляем о них, — это звёздное небо над головой и моральный закон внутри нас. Эти слова Кант написал уже после «Критики», но они — её живое сердце. Звёздное небо — это бесконечная природа, которую мы познаём благодаря тем самым априорным формам. Моральный закон — это то, что делает нас по-настоящему людьми, указывая путь свободы и долга.

Я приглашаю тебя в это путешествие. Оно будет долгим, порой непростым, но обещаю — скучно не будет. Представь, что мы с тобой сидим у камина в старом кёнигсбергском доме, на улице моросит дождь, а за окном блестят мокрые черепичные крыши. В углу тикают часы, отмеряя мгновения — то самое внутреннее время, о котором мы будем говорить. Я рассказываю тебе историю, а ты слушаешь, спрашиваешь, не соглашаешься и вдруг с удивлением обнаруживаешь, что всё это — о тебе, о твоей голове, о твоём сердце.

В добрый путь, мой юный философ! Разум твой — бесценный дар. Держи его в дисциплине, питай его знанием, согревай верой и всегда помни о его высшем предназначении — не только познавать, но и быть добрым. И тогда ты построишь свой собственный величественный храм мудрости, который простоит всю жизнь. А «Критика чистого разума» станет тебе надёжным компасом.

С искренней дружбой и философским поклоном,

Твой рассказчик

Введение

Итак, мой юный друг! Садись поудобнее, я расскажу тебе одну удивительную историю. Это не сказка о драконах и не рассказ о далёких звёздах, хотя кое-что звёздное здесь будет. Я расскажу тебе о том, как работает твоя собственная голова, как ты узнаёшь мир и где проходят границы того, что ты вообще можешь узнать. А поможет нам в этом очень серьёзный и очень умный человек, философ Иммануил Кант. Он жил давно, в городе Кёнигсберге, и написал книгу с длинным названием «Критика чистого разума». Звучит сложно, да? Но на самом деле это как детектив, где главный сыщик — сам человеческий разум. И наше путешествие начнётся с самого начала этой книги, с её Введения. Кант написал его, чтобы объяснить, какую загадку он хочет разгадать.

Представь, что твой разум — это огромный корабль, на котором ты плывёшь по бескрайнему океану знаний. Ты хочешь открыть новые острова, понять, почему светит солнце, что такое справедливость, есть ли жизнь на других планетах. Но прежде чем уплыть далеко, мудрый капитан должен проверить свой корабль: крепкие ли мачты, надёжен ли компас, не порвались ли паруса. Кант говорит: философы до него слишком спешили сразу бороздить океан идей — думали о Боге, о душе, о судьбе Вселенной, — но забыли спро-

силь главного: «А что наш разум вообще способен узнать? Где его границы?» Книга Канта — это как раз такая проверка корабля перед большим плаванием. Он хочет понять, что в нашей голове есть «по умолчанию», ещё до того, как мы что-то увидим или услышим, и как это влияет на всё, что мы знаем. Это путешествие внутрь себя, к самому фундаменту мышления.

Итак, Кант начинает своё Введение с простого, но очень важного вопроса: откуда вообще берётся наше знание? Давай представим, что ты держишь в руке яблоко. Откуда ты знаешь, что оно красное, круглое и сладкое? Правильно, ты увидел его цвет, потрогал, попробовал. Твой опыт (по-немецки *Erfahrung*) дал тебе эти знания. Кант называет такое знание эмпирическим, от слова «опыт» (*Empirie*), или апостериорным (*a posteriori* — это латинское выражение, которое означает «из последующего»). То есть сначала что-то произошло — ты увидел яблоко, а потом ты узнал о нём. Всё, чему мы учимся через глаза, уши, кожу, нос, язык, — это знание из опыта. Без контакта с миром ты никогда не узнал бы вкус шоколада или цвет неба. Это как если бы компьютер получал данные с камеры и микрофона: пока данные не поступили, программа «молчит».

Вдумайся в эти слова. Кант не говорит, что Просвещение — это сумма знаний, эрудиция или владение техноло-

гиями. Просвещение — это акт воли, акт мужества. Ты можешь быть профессором, академиком, обладателем трёх дипломов, но оставаться несовершеннолетним, если ты во всём полагаешься на авторитеты — церковные, политические, научные, какие угодно, — и боишься думать сам. И наоборот, простой человек, не получивший формального образования, но привыкший задавать вопросы и не принимать ничего на веру, уже находится на пути просвещения.

Но Кант идёт дальше и задаёт хитрый вопрос: «А всё ли наше знание приходит только из опыта?» Посмотри на то же яблоко. Ты знаешь, что «это яблоко красное». Но откуда ты знаешь, что вообще бывают цвета? Что каждый предмет имеет какой-то цвет? Этому тебя опыт научить не может, потому что, открывая глаза, ты уже видишь мир цветным. У тебя нет возможности «увидеть бесцветный предмет», чтобы потом добавить к нему цвет из опыта. Сама способность видеть цвет, слышать звуки, ощущать пространство — это что-то, что, кажется, есть у тебя внутри, ещё до всякого опыта. Как будто твой глаз устроен так, чтобы обязательно всё раскрашивать, как очки с цветными стёклами, которые ты не можешь снять. Кант называет такое знание априорным (a priori — «из предшествующего»). Это знание, которое не зависит от опыта, оно встроено в сам инструмент познания — в наш разум и наши чувства. Оно — как операционная система в планшете, предустановленная на заводе, без неё ни

одно приложение не запустится.

Как отличить, где знание априорное, а где — полученное из опыта? Кант предлагает два верных признака, как две специальные печати, которые ставятся на чистое, априорное знание. Первая печать — строгая всеобщность. Если ты скажешь: «Это яблоко красное», — это знание не всеобщее, ведь есть жёлтые и зелёные яблоки. Но если ты говоришь: «У каждого предмета есть какая-то причина, по которой он появился или изменился», — это правило, кажется, работает всегда и для всего на свете, без единого исключения. Откуда ты это знаешь? Ты же не проверил все предметы во Вселенной! Опыт никогда не может дать строгой всеобщности, потому что опыт всегда ограничен: ты видел сто лебедей и все были белые, но это не гарантирует, что где-то нет чёрного лебедя. Значит, идея, что «у всего есть причина» (причинность), пришла не из опыта, а из самого разума. Это априорное правило. Вторая печать — необходимость. Необходимое знание — это то, что не может быть иначе. Например, «два плюс два равно четыре» — это не просто «часто так бывает», это обязательно правда всегда и везде, и ты не можешь представить мир, где два плюс два будет пять. Опыт говорит только: «Это так случилось, но могло бы и иначе». Тучи есть — дождь может пойти, а может и не пойти. Но математическая истина не зависит от того, идёт дождь или светит солнце. Поэтому математика — яркий пример апри-

орного знания. Если суждение (так Кант называет утверждение, в котором что-то о чём-то говорится) обладает строгой всеобщностью и необходимостью, значит, оно произошло не из опыта, а из самого разума. Это как встроенные правила игры, без которых сама игра невозможна.

Теперь, когда мы поняли, что есть «чистое» знание, не запачканное опытом, Кант говорит: «Стоп, давайте разберёмся, как устроены сами суждения». Это важно, потому что наш разум постоянно строит предложения типа «А есть Б»: «Роза красная», «Дом большой», «У всего есть причина». Кант различает два способа, как слова соединяются в суждениях, — аналитический и синтетический. Это как два вида конструктора LEGO. В аналитическом суждении ты просто разбираешь то, что уже лежит в коробочке под названием «понятие». Например, у тебя есть понятие «холостяк». Если ты скажешь: «Все холостяки не женаты», — ты не добавил ничего нового, ты просто достал из понятия «холостяк» признак «не женат», который там уже был. Это как если бы на детальке LEGO было написано «круглый красный кирпичик», а ты говоришь: «Он красный». Ты не узнал ничего сверх того, что уже содержалось в названии. Такие суждения Кант называет аналитическими (от слова «анализ» — разбор). Они всегда истинны и не требуют проверки опытом, но они не расширяют наше знание, они просто поясняют слова. Это полезно, чтобы не запутаться, но новых открытий так не

сделаешь.

А вот синтетические суждения — это совсем другое дело. Здесь ты берёшь детальку «субъект» и прикрепляешь к ней совсем новую детальку «предикат», которой не было в исходном понятии. Например, «эта роза красная». В понятии «роза» не содержится цвет «красный» — ведь розы бывают и белые, и жёлтые. То, что вот эта конкретная роза красная, ты узнал из опыта — посмотрел и увидел. Ты соединил (по-гречески «синтез») понятие «роза» с признаком «красная», расширив своё знание. Большинство наших знаний о мире — синтетические и происходят из опыта (апостериорные). Кант говорит: наука хочет именно синтетических суждений, ведь ей нужно открывать новое, а не просто перебирать определения. Но тут скрывается главная загадка, ради которой всё и затевалось!

До сих пор всё было довольно просто: есть аналитические суждения *a priori* (пояснения, типа «все тела протяжённые» — в самом понятии тела уже лежит идея, что оно занимает место в пространстве); есть синтетические суждения *a posteriori* (из опыта: «Вода кипит при 100 градусах» — это открытие, ты соединил воду и кипение, но узнал это только через опыт). Однако Кант находит третий, самый загадочный вид суждений — синтетические суждения *a priori*! Это такие утверждения, которые, с одной стороны, расширяют на-

ше знание (сообщают что-то новое, чего не было в понятии), а с другой — обладают строгой всеобщностью и необходимостью, то есть не зависят от опыта. Как такое возможно? Это звучит как волшебство: узнать нечто новое о мире, не глядя в окно, и при этом быть уверенным, что иначе быть не может. Именно этот вопрос Кант считает ключом ко всей философии. Он пишет: «Истинная задача чистого разума заключается в следующем вопросе: как возможны синтетические суждения *a priori*?» Если мы ответим, мы поймём границы и устройство нашего разума.

Давай посмотрим, где такие суждения прячутся. Кант указывает на три главные области. Первая — математика. Возьмём простой пример: $5 + 7 = 12$. На первый взгляд, это аналитическое суждение, ведь из понятия «сумма пяти и семи» вроде бы вытекает 12. Но подумай хорошенько: в самом понятии «пять» нет двенадцати, в «семи» — тоже. Как ни крути в уме отдельно пятёрку и семёрку, число 12 — это что-то новое, оно появляется только когда ты их соединяешь. Чтобы понять, что $5 + 7 = 12$, тебе нужно выйти за пределы простых понятий, представить пальцы или палочки, совершить акт прибавления, то есть синтез. Но при этом ты не сомневаешься, что это верно всегда, во всех вселенных, независимо от опыта. Это чистейшее синтетическое суждение *a priori*. То же с геометрией: «Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия». В понятии «прямая» нет количества

(длины), а в понятии «кратчайшее расстояние» — прямизны; ты их соединяешь, опираясь на своё внутреннее чувство пространства, и получаешь необходимое знание. Математика вся стоит на таких суждениях.

Вторая область — естествознание, физика. Здесь тоже есть принципы, которые расширяют знание и при этом априорны. Например, закон: «При всех изменениях тел количество вещества остаётся неизменным». Или «Всякое движение имеет причину, и действие равно противодействию». Откуда физик знает, что материя не исчезает, а причина обязательна? Не из ограниченного опыта, потому что он не наблюдал все процессы во Вселенной. Он применяет априорное правило причинности и сохранения, без которого природа была бы хаосом. Но всё же физика хоть и содержит априорные принципы, дальше она проверяет их опытом: ставит эксперименты, измеряет. Её синтетические суждения а priori перемешаны с эмпирическими.

Но есть и третья претендентка на знание — метафизика. Это область, где разум парит над опытом, пытаясь узнать что-то о Боге, о бессмертии души, о начале мира. До Канта философы, как рыцари, сражались на этом поле с копьями аргументов, но так и не пришли к согласию. Один говорит: «Мир имеет начало во времени». Другой: «Мир вечен и не имеет начала». Кто прав? Оба вроде бы доказывают строго,

но выводы противоречат друг другу. Значит, тут разум запутывается. Кант подозревает, что метафизика до сих пор не стала наукой именно потому, что она бездумно пользуется синтетическими суждениями *a priori*, не проверив, имеет ли она на это право. Это как если бы корабль пытался плыть по суше: он разбивается, потому что не проверил, где кончается море. Метафизические утверждения, например, «Душа бессмертна» или «Бог существует», являются синтетическими (они явно добавляют новые признаки к понятию души или мира), и они претендуют на всеобщность, то есть хотят быть *a priori*. Но можем ли мы их действительно познать? Не выходим ли мы здесь за границы возможного опыта? Кант хочет создать науку, которая судит сам разум, — Критику чистого разума, чтобы отделить законные территории от воздушных замков.

Теперь, вооружившись этими понятиями, мы можем пересказать Введение Канта по шагам так, как он сам его построил. Он начинает с различия чистого и эмпирического (раздел I). Всё знание начинается с опыта, но не всё происходит из опыта. Мы, люди, обладаем способностью, которую можно назвать «врождёнными правилами обработки мира». Они не лежат готовыми в душе младенца, как книжка, но активируются при столкновении с опытом. Так, у нас есть «формы чувственности» (о них Кант расскажет позже, но Введение готовит к этому): пространство и время. Простран-

ство — это не понятие, вычитанное из книг, это то, благодаря чему ты вообще можешь воспринимать предметы как находящиеся «вне тебя» и «рядом друг с другом». Время — то, что позволяет ощущать последовательность: «до», «после», «сейчас». Это априорные условия, без них никакой опыт не сложился бы. Попробуй представить предмет, который не занимает места и не существует ни в какое мгновение! Не получается? Вот видишь, это как очки, через которые ты смотришь на мир и которые снять нельзя.

В разделе II Кант уверенно заявляет: у нас действительно есть априорные знания. Даже обычный человек без науки ими пользуется. Если ты скажешь ребенку: «Всякое изменение имеет причину», — он, возможно, кивнёт, потому что интуитивно ждёт объяснения всему. Эта максима сидит глубоко в рассудке. Кант также замечает, что если строго искать необходимые и всеобщие суждения, легко найти их в науках. Сама возможность математики и физики доказывает существование чистых априорных элементов. Без них мы бы не могли предсказывать затмения или запускать ракеты, потому что законы природы, основанные только на опыте, были бы лишь привычками, а не строгими законами. Если бы всё знание было только из опыта, то завтра солнце могло бы и не взойти — никакого противоречия. Но мы почему-то твёрдо уверены, что оно взойдёт, потому что за этим стоит априорный принцип причинности и единообразия природы,

хотя Кант аккуратно разграничит, что мы можем знать, а что — только предполагать.

В разделе III Кант говорит, что философии необходима особая наука, которая определит возможность, принципы и объём всех априорных знаний. До него многие философы занимались метафизикой — рассуждали о сверхчувственных вещах, — но никто не спросил: «А как вообще возможна сама метафизика как наука?» Кант хочет создать критику — не критиканство с ворчанием, а судебное разбирательство, где разум выступает и как обвиняемый, и как судья. Он должен допросить самого себя: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» (Знаменитые вопросы, которые позже появятся, но корни уже здесь.) Критика чистого разума — это подготовка, разведка местности перед постройкой здания метафизики. Нельзя строить дом на болоте; сначала нужно проверить грунт. И вот Кант обещает: он не будет выдумывать новых законов, а лишь исследует те, что разум уже даёт себе сам, и посмотрит, как далеко мы можем отойти от берега опыта.

Следующий шаг (раздел IV) — детальный разбор аналитических и синтетических суждений, о чём мы уже говорили. Здесь Кант уточняет: во всех теоретических науках разума синтетические суждения а priori содержатся как принципы (раздел V). Математические суждения всегда синте-

тичны — это очень смелое заявление против некоторых философов, которые думали, что математика сводится к логическим тавтологиям. Кант настаивает: $7 + 5 = 12$ не выводится анализом, нужен созерцательный синтез, то есть мысленное конструирование (например, подсчёт точек или отрезков). Геометрия опирается на априорное созерцание пространства: свойства треугольника мы доказываем, не измеряя реальные треугольники в природе, а конструируя их в уме, но при этом открываем новое (например, сумма углов равна 180 градусам). В естествознании тоже имеются априорные синтезы: например, принцип сохранения субстанции («из ничего ничто не возникает»), закон причинности («всё, что происходит, имеет причину»), взаимодействие. Физика пользуется ими как каркасом, на который навешивает эмпирические данные. А вот метафизика, по идее, должна содержать априорные синтетические знания, ведь она говорит о Боге, свободе, бессмертии — это всё выходит за пределы опыта, и если эти знания возможны, то только *a priori*. Но как раз здесь разум терпит крушение, потому что не задался предварительным вопросом.

Кант завершает Введение разделами VI и VII, где формулирует общую задачу чистого разума и набрасывает план. Общая задача выражена в знаменитом вопросе: «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» Почему это так важно? Потому что от ответа зависит судьба метафизики.

Если мы поймём, как математика и физика успешно используют такие суждения, то сможем задать метафизике правильные границы. Может, окажется, что в сверхчувственной области синтетические суждения а priori невозможны, и тогда все наши разговоры о душе и Боге — просто шум слов, красивая поэзия, но не наука. А может, существует особый способ применения разума, который откроет путь к достоверному знанию о свободе и нравственности (это уже намёк на практический разум). Кант намерен решить эту задачу, разделив свой труд: сначала «Учение о началах» (Elementarlehre), где он исследует чувственность, рассудок и разум, и «Учение о методе» (Methodenlehre), где определит формальные правила построения системы. Но это уже сюжет всей книги, а Введение — только интригующее начало.

Как это объяснить совсем-совсем просто, на детских примерах? Давай я расскажу историю про волшебный конструктор «Разум-Лэнд». Представь, что ты получаешь в подарок огромную коробку с деталями. Но коробка волшебная: в ней лежат не только пластмассовые кирпичики, но и особенные магические очки, которые ты обязан надеть прежде, чем начнёшь строить. Очки эти называются «Пространство» и «Время». Они всегда на тебе, хочешь ты того или нет. Когда ты смотришь на мир, очки автоматически расставляют всё по местам: близко — далеко, до — после. Без очков ты бы видел

мешанину и не смог бы ничего понять. Детальки конструктора — это твои ощущения: цвета, звуки, шероховатости. Когда ты говоришь «Красный кубик лежит на синем», ты уже использовал очки (пространство) и соединил «красный» с «кубик» в синтетическое суждение из опыта. Но кроме очков, у тебя есть умная машинка в голове — рассудок с набором инструментов. Инструменты — это категории, такие как «причина», «единство», «возможность». Эти инструменты тоже априорны, они не из опыта. Они как формочки для песка: какой бы песочек (ощущения) ты ни насыпал, формочка придаёт ему форму. Так, куличик «Солнце греет камень» невозможен без формочки «причина» — ты автоматически связываешь два события: солнце светит (причина), камень тёплый (следствие). Это синтез *a priori*, потому что ни в понятии «солнце», ни в понятии «камень» нет «причинения», а ты привносишь связь.

Теперь представь, что ты хочешь построить из конструктора нечто, что нельзя пощупать, — например, замок «Вечный двигатель» или фигурку «Мировая душа». Ты пытаешься использовать те же инструменты, но песка (ощущений) у тебя нет, потому что душу никто не видел и не трогал. Ты крутишь детальки просто в голове, сочетая «душа» + «бессмертна». Это синтетическое суждение (ты добавил новый признак) и претендует на априорность (ты не проверял в опыте). Но конструкция зависает в воздухе — на что ей опе-

реться? Без чувственного созерцания понятия пусты. Кант говорит: «Мысли без содержания пусты, а созерцания без понятий слепы». Метафизика пыталась играть пустыми понятиями, и потому получались противоречия, как если бы два строителя по одной инструкции строили разное. Критика разума должна определить, какие постройки законны (в границах опыта), а какие — воздушные замки, которые могут быть прекрасны, но не дают настоящего знания.

В Введении Кант также настаивает, что критика — это не скепсис, не отказ от знания. Наоборот, он хочет укрепить науку, точно указав её фундамент, и очистить место для веры и нравственности. Ограничивая теоретический разум сферой опыта, он освобождает место для практического разума, где действуют априорные законы свободы. Это как если бы, убрав ненадёжные мостки через пропасть, мы обнаружили настоящий мост, о котором не подозревали. Введение — это приглашение к великому путешествию: мы будем разбирать, как устроено восприятие пространства и времени, как работают категории рассудка, и как разум впадает в иллюзии, когда пытается выйти за пределы опыта. Главная же идея, которую Кант закладывает с первых страниц: разум не просто пассивно отражает мир, а активно его формирует. Мы не просто фотографируем реальность, мы её конструируем согласно своим внутренним законам. Это называется «коперниканским переворотом» Канта: подобно тому как Копер-

ник объяснил движение небес тем, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, Кант объясняет познание тем, что предметы должны сообразоваться с нашим способом познания, а не наше познание с предметами. Так, мы знаем о вещах не такими, каковы они сами по себе, а только такими, какими они нам являются через наши априорные формы. Вещь сама по себе (Ding an sich) остаётся непознаваемой тайной; мы имеем дело с явлениями.

Чтобы закончить наш рассказ, вернёмся к яблоку. Когда ты берёшь яблоко и говоришь: «Оно сладкое», ты синтезируешь свой вкусовой опыт с понятием яблока. Но само ощущение сладости уже «упаковано» в форму времени (ты чувствуешь его сейчас) и пространства (яблоко у тебя во рту). А когда ты думаешь: «Если я ударю по яблоку, оно упадёт», ты применяешь априорное правило причины. Всё это вместе — чудо познания, где участвуют и дары внешнего мира, и встроенные программы твоего разума. Кант, как мудрый настройщик, открывает крышку рояля и показывает молоточки и струны. Его Введение — это первые уроки настройки, чтобы мелодия мысли не фальшивила.

Так что, мой юный друг, «Критика чистого разума» — это не скучная книга, а захватывающее расследование о том, как мы познаём мир. Запомни главное: есть знание из опыта, а есть знание до опыта (априори), которое составляет как бы

каркас нашей души. Есть суждения-пояснения (аналитические) и суждения-открытия (синтетические). И самый главный вопрос — как возможны синтетические открытия, сделанные без помощи опыта, — вёл Канта вперёд. Мы с тобой сегодня заглянули в самое начало этого расследования, и теперь, если захочешь, можешь представить себя маленьким философом, который рассматривает свои мысли как удивительный механизм. И помни: разум имеет границы, но внутри этих границ он может строить прекрасные и надёжные замки науки. А то, что лежит за границами, может быть предметом надежды, веры и мечты, но не достоверного знания. И это тоже огромная мудрость — знать, где остановиться, чтобы дать место чуду. На этом Введение заканчивается, и начинается само великое приключение.

Трансцендентальная эстетика

Мой любознательный друг! Мы с тобой уже начали разбирать удивительную книгу Иммануила Канта «Критика чистого разума». В прошлый раз мы говорили про самое-самое начало — про Введение, где Кант задал главный вопрос: как возможны синтетические суждения *a priori*, то есть такие открытия о мире, которые мы делаем, не заглядывая в справочник и не тыкая пальцем в глобус, и при этом точно знаем, что так оно и есть всегда и везде. Мы как будто начертили карту сокровищ и теперь готовы отправиться в экспедицию по устройству собственного разума. И вот наш корабль под названием «Критика» поднимает паруса и заходит в первую гавань, которая называется очень красиво и немного загадочно — «Трансцендентальная эстетика».

Не пугайся длинного названия! Слово «эстетика» сегодня обычно означает учение о прекрасном, о красоте картин, музыки и закатов. Но Кант использует его в старинном, греческом значении: «айстетис» — это ощущение, восприятие, чувство. Представь себе, что ты — радиоприёмник, который может ловить волны внешнего мира. Эстетика в понимании Канта — это наука о том, как устроен сам приёмник, его антенны и динамики, ещё до того, как в эфир выйдет хоть одна радиостанция. А слово «трансцендентальный» мы

будем расшифровывать постепенно, но если очень коротко, оно означает «то, что делает возможным сам опыт, но само из опыта не берётся». Это как если бы ты исследовал конструкцию своих глаз, благодаря которым видишь мир, а не то, что именно ты видишь. Так вот, «Трансцендентальная эстетика» — это самый первый раздел Кантовой системы, где он изучает нашу способность чувственно воспринимать вещи, то есть нашу чувственность, и находит там два чистых, априорных элемента — пространство и время. Это как два волшебных стекла в очках, которые надеты на нас с самого рождения и через которые мы только и можем смотреть на всё, что нас окружает.

Начнём с того, что Кант разделяет две способности нашей души, два этажа познания. Первый этаж — чувственность (*Sinnlichkeit*). Это способность получать представления, когда предметы на нас воздействуют. Ты касаешься горячей чашки — руке больно, ты смотришь на радугу — в глазах вспыхивают цвета. Всё это даётся нам пассивно: мы не изобретаем цвет или тепло, мы их принимаем. Продукт такого воздействия Кант называет созерцанием (*Anschauung*) — это как моментальный снимок, картинка, звуковой отпечаток, тактильное ощущение «здесь и сейчас». Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, разум бы остался в пустоте. Но второй этаж — рассудок (*Verstand*) — не сидит без дела, он потом эти картинки обрабатывает, мыс-

лит их, связывает в понятия. Так вот, раздел «Трансцендентальная эстетика» изучает исключительно чувственность и её чистые формы. Кант хочет отделить её от рассудка, как часовщик, который сначала разбирает только заводной механизм, не трогая стрелки и циферблат.

В чувственном созерцании он сразу различает две части. Представь, что ты лепишь фигурки из разноцветного пластилина. Сам пластилин — это материя, то, из чего сделано, в нашем случае — ощущения: красное, сладкое, твёрдое, холодное. Это то, что приходит извне, а *posteriori*, из опыта. Но у тебя есть ещё формочка, которой ты выдавливаешь из пластилина куличик. Эта формочка не зависит от пластилина, она есть у тебя в руках до того, как ты начнёшь лепить. И какой бы пластилин ты ни взял — синий, жёлтый, мягкий, твёрдый, — куличик всё равно примет форму этой формочки. В чувственности роль такой формочки играет то, что Кант называет формой явления — то, что упорядочивает ощущения, располагает их в определённом порядке. И вот он говорит: если мы мысленно уберём из явления все ощущения — запах, цвет, твёрдость, — у нас всё равно останутся две вещи, которые никак не выкинуть: пространство и время. Это и есть чистые формы чувственного созерцания. Они сидят в нас самих, а *priori*, до всякого реального опыта, и составляют саму структуру нашей воспринимающей души.

Итак, Кант берёт пространство и начинает свой знаменитый «метафизический разбор» — то есть доказывает, что пространство есть априорное созерцание, а не эмпирическое понятие. Давай проследим за его шагами, как в весёлой логической игре.

Первый аргумент: пространство не может быть взято из опыта. Посмотри вокруг. Ты видишь, что цветок стоит справа от карандаша, что чашка ближе к тебе, чем стена, что люди идут мимо друг друга. Чтобы вообще заметить, что что-то находится «вне тебя» и «рядом с другим», у тебя уже должно быть представление о пространстве. Если бы твой внутренний мир был как чистый лист без всякого чувства «внешности» (*Ausser-ihm*), ты бы не смог сказать: «Этот стул отдельно от меня». Сам факт различения предметов как внешних предполагает, что представление пространства уже имеется в голове, как экран, на который проецируется фильм. Поэтому пространство не может быть почерпнуто из отношений внешних вещей через опыт; напротив, сам этот внешний опыт впервые возможен только благодаря пространству.

Второй аргумент: пространство есть необходимое априорное представление. Ты можешь вообразить мир, в котором нет ни одного предмета — пустое космическое ничто, — но само это ничто всё равно будет простираться в бесконечном пространстве. Ты не можешь представить отсутствие

самого пространства. Попробуй закрыть глаза и подумать: «Пространства нет». У тебя всё равно будет ощущение тёмной бездны, какой-то пустоты, которая «ждёт» предметов. Значит, пространство — не свойство вещей, которое может исчезнуть вместе с вещами, а условие самой возможности существования вещей для нас. Это как сцена в театре: актёры могут уйти, но сцена остаётся. Пространство — это наша внутренняя сцена, без которой спектакль внешнего мира не начался бы.

Третий аргумент: пространство — это не общее понятие, не дискурсивная мысль (как «фрукт» объединяет яблоки и груши), а чистое созерцание. Когда ты думаешь о понятии «собака», в него входят все возможные собаки — таксы, овчарки, болонки. Это общее понятие, полученное через выделение общих признаков. Но когда ты думаешь о пространстве, ты не представляешь сначала отдельные пространства — пространство комнаты, пространство под кроватью, пространство космоса — и потом обобщаешь их. Нет, есть одно-единственное всеобъемлющее пространство, и все отдельные места — это лишь его части, ограничения этого единого пространства. Ты не можешь сложить из кусочков мозаики единое пространство; напротив, мозаика уже лежит на общем столе-пространстве. Это показывает, что пространство — созерцание, причём априорное, оно дано целым и до всяких частей.

Четвёртый аргумент: пространство представляется как бесконечная данная величина. В понятии «треугольник» содержится ограниченное число признаков, но в представлении пространства ты мыслишь его сразу как безграничное, как то, что не имеет краёв, и при этом ты не выводим эту бесконечность из сложения конечных кусочков; бесконечное пространство как бы разом присутствует в твоём воображении как горизонт, внутри которого можно двигаться. Это признак созерцания, а не рассудка. Так Кант подводит итог: пространство — это не свойство вещей самих по себе (как цветок красный), а лишь форма внешнего чувства, субъективное условие, под которым мы только и можем воспринимать внешние предметы.

Теперь Кант делает шаг от «метафизического разбора» к «трансцендентальному разбору». Это означает: он показывает, как из априорности пространства объясняется возможность целой науки — геометрии, которая полна синтетических суждений *a priori*. Вот ты берёшь теорему: сумма углов треугольника равна 180 градусам. Это знание не вытекает просто из определения треугольника (понятия «трёхсторонняя замкнутая фигура»), его нужно доказать с помощью дополнительных построений, и при этом оно необходимо и всеобще. Как такое возможно? Только потому, что геометр не тащит это знание из реальных измерений десятка

деревянных треугольников, а конструирует фигуру в чистом созерцании пространства, которое уже сидит у него в голове. Пространство — это та внутренняя доска, на которой мы чертим мелом воображаемые линии. И так как это доска одна и та же у всех разумных существ с подобной чувственностью, законы геометрии одинаковы для всех и обязательны для всего, что явится в пространстве. Значит, пространство даёт нам синтетическое, но априорное знание о явлениях. Геометрия возможна именно потому, что мы не изучаем пространство вещей в себе, а мы сами предписываем пространству его свойства.

Теперь Кант вводит очень важное различие, которое потом пройдёт через всю книгу, как красная нить. Пространство обладает эмпирической реальностью — это значит, что для всех предметов возможного опыта оно действительно, имеет силу. Нет ни одного внешнего предмета, который ты мог бы представить без пространства; в мире, как мы его видим, всё протяжённо. Но пространство обладает трансцендентальной идеальностью — это значит, что как только мы забудем о нашей чувственности и спросим, каковы вещи сами по себе, безотносительно к нашему созерцанию, пространство окажется ничем. Оно есть только условие явлений, а не вещей в себе (*Dinge an sich*). Представь, что у тебя есть волшебные очки, которые всё вокруг окрашивают в зелёный цвет. Ты смотришь на мир и говоришь: «Всё зелёное!» Для

твоего опыта это чистая правда, эмпирическая реальность — все яблоки, дома, небо для тебя зелены. Но при этом ты понимаешь, что без очков они, может быть, красные, синие, белые. Так и пространство: это всеобщее зелёное стекло нашей внешней чувственности, которое нельзя снять. Вещи сами по себе не пространственны, мы ничего не можем знать об их истинной природе. Пространство — это наш способ видеть мир, а не паспорт мира.

Теперь Кант переходит ко второй чистой форме чувственности — ко времени. Если пространство — форма внешнего чувства, то время — это форма внутреннего чувства. Что такое внутреннее чувство? Это поток наших переживаний: мысли, чувства, сменяющие друг друга. Но не только внутренние состояния, а вообще всё, что мы воспринимаем, — и внешние предметы тоже — мы воспринимаем во времени. Когда ты видишь летящую птицу, ты не только располагаешь её в пространстве, но и ощущаешь последовательность её движений: взмах крыльев, секунда за секундой. Время, по Канту, — это априорная форма, которая упорядочивает все наши представления в отношении «до», «одновременно», «после». Даже если ты закроешь глаза и заткнёшь уши, твой внутренний голос, мечты, скука будут течь во времени. Ты не можешь остановить время, как не можешь представить его отсутствие; оно — условие самой мысли о чём-либо.

Давай так же разберём аргументы Канта в пользу того, что время — априорное созерцание.

Во-первых, время не эмпирическое понятие. Чтобы заметить, что два события происходят одновременно или друг за другом, у тебя уже должно быть представление о времени. Если бы у тебя в голове не тикали внутренние часы, ты бы не сказал: «Вспышка молнии была перед громом». Сама возможность восприятия последовательности предполагает время как фон, на котором разворачиваются события. Значит, время не добывается из опыта, а лежит в основе всякого опыта.

Во-вторых, время есть необходимое представление а priori. Ты можешь вообразить пустое время — например, представить, что во всей Вселенной ничего не происходит, но тиканье пустых мгновений всё равно идёт: тик-так, тик-так, хотя никто не считает. Но убрать само время нельзя, потому что даже мысль «времени нет» занимает какое-то мгновение в твоём мышлении. Время неустранимо, как дыхание души.

В-третьих, на этом необходимом априорном представлении основываются важнейшие основоположения о временных отношениях, которые сами по себе синтетичны и апо-

диктичны (строго необходимы). Например, аксиома: «Разные времена не могут существовать вместе, но только последовательно». Или: «Время имеет только одно измерение». Ты не можешь представить себе разветвляющееся, двумерное время; время всегда течёт только вперёд (или назад в фантазиях, но линия одна). Эти истины не выводятся из опыта, они управляют опытом. И чтобы их познать, мы чертим в воображении линию времени, то есть опираемся на чистое созерцание.

В-четвёртых, время — не дискурсивное понятие, а чистая форма чувственного созерцания. Как и пространство, время едино. Разные времена — лишь части одного и того же единого времени. Идея «вчера», «сегодня», «завтра» — это ограничения бесконечного потока времени. При этом время дано как бесконечная величина: каждый промежуток времени мыслится лишь как граница внутри бесконечного целого.

Трансцендентальный разбор времени объясняет возможность всеобщих законов движения и изменения. Всякая смена состояний, всякое движение предполагает время. Естествознание формулирует синтетические положения *a priori*, например: «Всякое изменение имеет причину» или «Субстанция сохраняется во времени». Эти основоположения рассудка (которые позже Кант назовёт «аналогиями опыта») не были бы возможны, если бы время не служило априор-

ной формой, объединяющей все явления. Только потому, что все события для нас упакованы в единое время, мы можем применять к ним категории причины и необходимости. Так математика (арифметика как счёт последовательных моментов) и чистая механика получают прочный фундамент.

И здесь Кант делает важнейшее уточнение: время — это форма внутреннего чувства, то есть наших собственных представлений. Но поскольку все внешние вещи мы тоже воспринимаем через наши представления (через внутренний экран сознания), то косвенно время становится условием и всех внешних явлений. Проще говоря: всё, что ты видишь, трогаешь, слышишь — всё это есть твоё представление, а значит, находится в твоём внутреннем мире и потому подчиняется времени. Поэтому время обладает универсальной эмпирической реальностью по отношению ко всем предметам опыта — и внешним, и внутренним. Но трансцендентально время идеально: стоит отвлечься от нашей чувственности, от способа, которым мы созерцаем, и окажется, что время — ничто, оно не присуще вещам самим по себе. У Канта время — это не космическая река, несущая звёзды, а наш собственный способ переживать существование.

Таким образом, заключительная часть «Трансцендентальной эстетики» подводит итоги. Что же мы узнали?

Во-первых, всё наше познание начинается с чувств. Нам даны только явления (феномены), а не вещи сами по себе (ноумены). Явление — это неразрывное единство материи (ощущений) и формы (пространства и времени). Мы никогда не видим «голую» вещь, мы видим её через призму этих форм. Как если бы мы смотрели сквозь два волшебных окна: окно пространства и окно времени. Всё, что мы воспринимаем, уже «оформлено» ими.

Во-вторых, пространство и время — это чистые априорные созерцания, и они объясняют, как возможны синтетические суждения *a priori* в математике. Геометрия — наука о пространстве, арифметика — о временной последовательности (счёт). Благодаря тому что мы сами носим эти формы в себе, мы можем заранее, без опыта, строить необходимые истины о всех предметах, которые когда-либо встретим в опыте. Это решает загадку, поставленную в Введении.

В-третьих, здесь происходит знаменитый «коперниканский переворот». Раньше думали: познание должно соотнобразоваться с предметами; мы смотрим на вещи и считываем их свойства, в том числе пространственные и временные. Кант переворачивает отношение: предметы, поскольку они нам являются, должны соотнобразоваться с устройством нашей чувственности. Не солнце вращается вокруг зрителя, а зритель, благодаря своему положению, видит восход. Простран-

ство и время — не линзы, через которые мы смотрим на готовый мир, а условия, при которых мир впервые может стать для нас объектом. Без этих условий «мир» рассыпался бы на хаос бессвязных ощущений.

В-четвёртых, Кант аккуратно отсекает возможные недо-разумения. Кто-то может сказать: «Значит, всё вокруг — иллюзия, если пространство и время только в нас?» Нет, иллюзия — это когда я принимаю мираж за реальный оазис. Но здесь другое: мир явлений реален эмпирически, он подчиняется строгим законам, наука работает в полную силу. Просто это реальность для нас, реальность, соотнесённая с человеческим способом созерцать. Вещь сама по себе не исчезает, она остаётся как непознаваемая основа явлений; она существует, но мы не знаем, какова она без наших «очков». Трансцендентальная идеальность пространства и времени не делает природу сном, а, наоборот, придаёт ей стройность и познаваемость. Ведь если бы пространство и время были свойствами вещей самих по себе, то как мы могли бы знать о них что-то априори? Пришлось бы ждать, пока каждая вещь нам сообщит свои координаты. Но раз мы сами придаём форму, мы знаем законы этой формы и можем предсказывать.

Наконец, Кант намекает на главную выгоду такого подхода: мы избавляемся от неразрешимых противоречий, в кото-

рые впадает разум, когда принимает пространство и время за абсолютно реальные. Например, спор о том, конечен ли мир в пространстве и во времени или бесконечен, оказывается ложным, потому что вопрос задан некорректно: мир как совокупность явлений не существует сам по себе, а только в нашей чувственности; не имеет смысла спрашивать, что было «до» начала мира, потому что время — это способ восприятия мира нами, а не внешняя ёмкость. Это мы оставляем для будущих разделов, где разум попадёт в свои антиномии.

Итак, мой юный слушатель, представь, что ты — волшебный фонарь, который освещает тёмную комнату. Всё, что попадает в луч твоего света, приобретает очертания и цвета. Но сама комната без луча — это не цветные пятна и не пустота, а нечто совсем иное, недоступное, о чём можно только догадываться. Твой фонарь имеет два слоя стёкол: одно стекло — пространство (оно заставляет пятна располагаться рядом, друг за другом, вдалеке), второе стекло — время (оно выстраивает всё в последовательность «раньше-позже»). Эти стёкла ты никогда не снимаешь, они часть тебя. Поэтому мир, который ты знаешь, всегда пространственен и временен. И это не печальная ограниченность, а великий дар: именно благодаря этим стёклам ты можешь чертить карты, строить дома, измерять скорость света, играть в футбол, рассказывать истории с началом и концом. А что лежит за

границами луча — молчание, тайна, которую нельзя разглядеть, но можно благоговейно уважать.

«Трансцендентальная эстетика» — это первый ключ, открывающий дверь в замок «Критики». Далее мы пойдём в следующий раздел, где разум уже не просто воспринимает, а начинает мыслить — с помощью категорий, как с помощью инструментов. Но без того, что мы поняли сегодня, ни одна мысль не имела бы почвы. Ведь всякое мышление должно в конечном счёте опираться на созерцание, иначе понятия пусты. Пространство и время — это и есть та живая вода, которая питает корни древа познания. Так что теперь, когда ты смотришь на звёзды, помни: безбрежный небосвод не «приклеен» снаружи, а рождён вместе с твоим взглядом, в твоей чудесной способности быть человеком. Удивительно, правда? И это только начало большой прогулки по лабиринтам чистого разума.

Трансцендентальная логика

Мой дорогой исследователь! Мы с тобой уже прошли немалый путь по карте «Критики чистого разума» Иммануила Канта. Сначала, в самом Введении, мы поставили главный вопрос: как возможны удивительные суждения, которые и открывают новое, и при этом совершенно точны, словно мы знали их ещё до рождения? Потом мы зашли в первую комнату — Трансцендентальную эстетику, — и обнаружили там наши волшебные «очки»: пространство и время. Мы поняли, что всё, что мы видим и слышим, сразу же укладывается в эти формы, как вода в стакан. Но на этом путешествие не заканчивается, ведь мало просто увидеть мир в пространстве и времени. Мир перед нами не просто разноцветная движущаяся картинка — мы понимаем, что происходит: что камень — твёрдый, что огонь греет, что если толкнуть мяч, он покатится. Мы связываем явления в единую историю, мы мыслим.

И вот мы подходим к огромной, величественной двери, над которой написано: «Трансцендентальная логика. Исследование рассудка и разума». За ней — самое сердце кантовской фабрики познания. Если эстетика была складом сырья и первым конвейером, где ощущениям придают пространственно-временную упаковку, то теперь мы войдём в цех, где

стоят умные станки. Эти станки — наш рассудок (Verstand). Он берёт «заготовки» явлений и превращает их в стройные мысли, в предметы с качествами, причинами и следствиями, в объективный мир, о котором можно рассуждать. И наша задача — разобрать работу этого цеха до последнего винтика.

Кант начинает с того, что различает два вида логики. Представь, что у тебя есть две инструкции. Первая инструкция — «Общая логика» — рассказывает, как вообще правильно думать, независимо от того, о чём ты думаешь. Как правильно соединять слова, чтобы не было противоречий, как строить силлогизмы: «Все люди смертны, Сократ — человек, значит, Сократ смертен». Она следит только за формой мысли, словно правила дорожного движения: где поворот, где «стоп», неважно, легковая это машина или грузовик. Но Кант создаёт другую инструкцию, специальную — Трансцендентальную логику. Она не отвлекается от содержания, она как раз и спрашивает: откуда у нас берутся понятия, которые мы применяем к миру? Как мы можем что-то знать о предметах заранее, а priori? Общая логика этого не объясняет. Трансцендентальная логика — это учение о том, как наш рассудок сам, из себя, диктует природе её самые главные законы. Она делится на два больших отдела: Аналитику (учение об истине, о том, как рассудок правильно применяет свои инструменты) и Диалектику (разоблачение иллюзий,

когда разум выходит за границы). Мы сейчас погружаемся в первый отдел — Трансцендентальную аналитику, а в ней нас ждут две огромные главы: Аналитика понятий и Аналитика основоположений.

Глава первая: Аналитика понятий, и в ней — поиск чистых рассудочных понятий, или категорий

Давай заглянем в ящик с инструментами рассудка. Кант говорит: рассудок — это не пассивный приёмник, он активный деятель. Его главное дело — судить. Мыслить — значит соединять представления в суждения: «Это яблоко зелёное», «Солнце нагревает камень». В каждом таком суждении скрыта определённая логическая форма. И вот Кант делает гениальный ход: он берёт готовую, известную логикам таблицу всех возможных логических функций суждений — то есть способов, как связываются субъект и предикат, как строятся утверждения, — и заявляет: «Каждой такой функции в точности соответствует особая чистая категория рассудка». Это как если бы у нас была таблица всех возможных гнезд для штепселей: если мы знаем все формы розеток, то можем предсказать все типы вилок. Категории — это априорные «вилки», с помощью которых наш ум подключается к миру явлений.

Кант выстраивает таблицу суждений по четырём рубрикам (каждая с тремя моментами):

1. Количество суждений: общие («Все люди разумны»), частные («Некоторые птицы летают»), единичные («Сократ — философ»).

2. Качество: утвердительные («Роза красная»), отрицательные («Душа не смертна»), бесконечные («Душа есть не-смертная» — здесь интересно: предикат выражен отрицательно, но формально это утверждение).

3. Отношение: категорические («А есть Б»), гипотетические («Если идёт дождь, то земля мокрая»), разделительные («Мир либо вечен, либо имеет начало»).

4. Модальность: проблематические («Возможно, завтра будет гроза»), ассерторические («Сейчас светит солнце» — утверждение действительности), аподиктические («Сумма углов треугольника необходимо равна 180 градусам»).

Из этой таблицы логических функций, словно по волшебному отражению в зеркале, вырастает таблица категорий — чистых рассудочных понятий, которые синтезируют само содержание созерцаний:

1. Категории количества: Единство, Множество, Всеобщность (Целостность).

2. Категории качества: Реальность, Отрицание, Ограниче-

ние.

3. Категории отношения: Принадлежность и самостоятельное существование (субстанция и акциденция), Причинность и зависимость (причина и действие), Взаимодействие (или общение между действующим и страдающим).

4. Категории модальности: Возможность — Невозможность, Существование — Несуществование, Необходимость — Случайность.

Почему это так важно, спросишь ты? Да потому что эти двенадцать понятий (как двенадцать рыцарей Круглого стола) не валяются на дороге, их не добудешь опытом. Ты никогда не увидишь «причинность» в микроскоп, не пощупаешь «единство». Это те чистые формы, по которым рассудок сшивает лоскутное одеяло ощущений в единый мир объектов. Без категорий мы бы провалились в хаос несвязанных красок и звуков. Но тут сразу возникает сложнейший вопрос: а по какому праву мы применяем эти априорные категории к вещам, которые даны нам в опыте? Ведь мы не выводим их из опыта, они — собственность рассудка. Не получится ли, что мы навязываем миру выдумки? Вот здесь и начинается самое захватывающее судебное разбирательство.

Глава вторая: Дедукция чистых рассудочных понятий (или Трансцендентальная дедукция)

Слово «дедукция» у Канта значит не то, что в учебниках логики (вывод из общего в частное). Здесь оно употребляется в юридическом смысле: как доказательство законного права. Представь, что категории — это королевские указы, изданные в столице (в нашем рассудке), а опыт — далёкая провинция. Нужно доказать, что указы имеют там законную силу, что это не самозванство. Вопрос дедукции: «Как субъективные условия мышления могут иметь объективную значимость, то есть быть условиями возможности всякого познания предметов?»

Кант разворачивает сложнейший, но потрясающе красивый аргумент. Давай разберём его шаг за шагом, как сборку гигантского пазла.

Шаг первый: Единство апперцепции. Внутри тебя всегда звучит одно и то же «Я мыслю». Оно сопровождает все твои представления: видишь радугу — «я вижу радугу», думаешь о собаке — «я думаю о собаке». Это «Я мыслю» — не просто одна из мыслей, это как бы корень, из которого растут все остальные. Кант называет его трансцендентальным един-

ством самосознания, или первоначальной синтетической апперцепцией. Что это означает? Что все твои представления только тогда становятся твоими, когда ты можешь осознать их как принадлежащие одному «Я». Разрозненные впечатления — зелёный цвет, шершавость, запах — складываются в единый предмет «яблоко» только потому, что одно и то же сознание соединяет их. «Я мыслю» — это как главный дирижёр оркестра: без него инструменты играли бы вразнобой, и никакой мелодии бы не было.

Шаг второй: Синтез воображения. Но как именно «Я» собирает разрозненные ощущения? Здесь на сцену выходит воображение — слепая, но незаменимая сила души. Оно производит синтез многообразного в созерцании. Однако чтобы этот синтез не остался случайной грудой, он должен быть подчинён единству апперцепции. Воображение производит «фигурный синтез», то есть соединяет элементы во времени и пространстве, но делает это не как попало, а в соответствии с правилами рассудка. Это как художник, который наносит мазки, следуя единому замыслу. Без правил картина не сложится.

Шаг третий: Категории как правила синтеза. Те самые двенадцать категорий и есть те фундаментальные правила, по которым воображение, направляемое рассудком, собирает чувственное многообразие в объекты. Например, чтобы

подумать о «субстанции» (яблоко как нечто устойчивое), мы должны синтезировать его свойства (цвет, вкус) относительно постоянного носителя во времени. Правило «субстанция» управляет этим синтезом. Категория «причина» — это правило, по которому мы связываем два состояния во времени необходимым образом: если А, то за ним всегда следует Б. Таким образом, объект — это то, в понятии чего объединено многообразное созерцание. И объединено оно именно согласно категориям.

Шаг четвёртый: Условие возможности опыта. Теперь Кант делает решающий вывод. Опыт — это не просто куча впечатлений. Опыт — это познание связанных между собой объектов. Но связаны они могут быть только посредством тех правил, которые даёт рассудок. Следовательно, сами предметы опыта становятся возможны только благодаря этим правилам. Категории — это условия возможности опыта и одновременно условия возможности самих предметов опыта (разумеется, как явлений, а не вещей в себе). Вот оно, доказательство права: без категорий никакой опыт вообще не состоялся бы; мы бы не могли сказать «этот камень упал, потому что его толкнули», мы бы даже не могли выделить камень как отдельный предмет. Так что категории не выдумка, они — фундамент, на котором стоит здание природы. Природа, понимаемая как упорядоченная совокупность явлений, подчиняется законам рассудка, потому что сам рассудок — её

законодатель.

Дедукция объясняет и знаменитый кантовский тезис: «Рассудок не черпает свои законы из природы, а предписывает их ей». Но предписывает только природе как явлению, а не вещам самим по себе. Кант завершает этот раздел ярким сравнением: мы находимся как бы на острове истины, окружённом бурным океаном иллюзий. Категории очерчивают берега этого острова. За его пределами — бездна непознаваемых вещей в себе, куда разум постоянно стремится, но мы, наученные дедукцией, понимаем, что плавать там нельзя — потонем в противоречиях. Но это уже тема будущей Диалектики.

Итак, мы разобрались с понятиями, выяснили, что они законны. Теперь рассудок готов приступить к работе. Но здесь возникает новая трудность: как эти чистые, абстрактные категории могут применяться к конкретным чувственным явлениям? Они ведь совершенно разнородны: категория «причина» — это мысль, логическое правило, а падение камня и нагревание солнца — это картинка во времени. Нужен мостик, переходник. И вот тут мы вступаем во вторую часть Аналитики — Аналитику основоположений.

Аналитика основоположений:

Схематизм

Представь, что у тебя есть программа на компьютере (категории) и поток данных с веб-камеры (чувственные созерцания). Чтобы программа смогла обработать эти данные, нужен драйвер — особый интерфейс, который переводит видеосигнал в понятный программе цифровой код. Таким драйвером у Канта выступает трансцендентальная схема. Схема — это «третье», однородное, с одной стороны, с категорией (она интеллектуальна, является правилом), с другой — с явлением (она чувственна, поскольку всегда содержит временное определение). Время — вот ключ. Помнишь, мы говорили, что время — форма внутреннего чувства, которая объемлет все явления? Так вот, трансцендентальные схемы — это определённые способы построения образов во времени согласно правилам категорий.

Кант разбирает схематизм по каждой группе категорий, и это очень красиво:

— Схема количества — это число. Число есть не что иное, как последовательное прибавление единицы к единице во времени (счёт). Когда мы мыслим «единство», «множество», «всеобщность», наш ум порождает схему пересчё-

та моментов. Так количество получает чувственную оболочку: это схема «последовательного синтеза многообразного во времени».

— Схема качества — это наполненность времени. Реальность в явлении соответствует степени ощущения, интенсивности, которая может непрерывно нарастать или убывать, заполняя временной промежуток. Отрицание — это схема пустоты, отсутствия ощущения. Так категории реальности, отрицания, ограничения получают временное выражение: это степень наполнения времени.

— Схемы отношения особенно важны. Для субстанции — это постоянство (*Beharrlichkeit*) реального во времени, то есть представление о чём-то, что остаётся неизменным, пока меняются свойства. Для причинности — это правило последовательности, когда за одним событием всегда следует другое согласно необходимому порядку (необратимая последовательность). Для взаимодействия — это одновременность определений субстанций по общему правилу (они сосуществуют и взаимно определяют друг друга).

— Схемы модальности связаны с временем как целым. Возможность — это согласие синтеза с условиями времени вообще (например, нечто возможно, если может существовать в какое-то время). Действительность — существование

в определённое время. Необходимость — существование во всякое время (например, сохранение материи).

Схема, говорит Кант, — это продукт продуктивной способности воображения, но такого воображения, которое не просто грезит, а подчиняется законам рассудка. Это искусство, сокрытое в глубинах человеческой души, чью истинную технику нам вряд ли когда-нибудь удастся вывести у природы. Именно благодаря схематизму мы можем, например, нарисовать в уме образ собаки вообще (четвероногое, лающее), хотя в реальности все собаки разные. Или помыслить число «тысяча» — мы не видим сразу тысячу точек, но имеем схему их порождения. Так же и в науке: мы не выводим причинность из единичных случаев, а подводим случаи под временную схему необходимой последовательности.

Теперь, когда у нас есть мостики-схемы, рассудок может формулировать свои главные законы для природы — основоположения. Они составляют систему, вершину аналитики.

Система всех чистых основоположений рассудка

Это свод самых высших правил, без которых природа не была бы природой, а опыт — опытом. Они все синтетические суждения а priori и вытекают из таблицы категорий. Кант де-

лит их на четыре группы.

1. Аксиомы созерцания. Их принцип: «Все созерцания суть экстенсивные величины». Что это значит? А то, что любой предмет, который мы воспринимаем, имеет протяжение и форму, и мы можем мысленно делить его на части. Линия, поверхность, объём — всё это складывается из частей, мы собираем их в пространстве и времени последовательно. Геометрия целиком покоится на этой аксиоме. Без неё мы не могли бы измерять, считать метры и градусы. Всё, что является в пространстве и времени, состоит из однородных частей; это условие самой возможности созерцания. Это как правило конструктора LEGO: каждая постройка составная, в ней можно выделить кубики.

2. Антиципации восприятия. Принцип: «Во всех явлениях реальное, то, что составляет предмет ощущения, имеет интенсивную величину, то есть степень». В отличие от экстенсивной величины, которую делят на части, степень — это «сколько» в одно мгновение. Цвет может быть ярче или бледнее, тепло сильнее или слабее. Мы *a priori* знаем, что любое ощущение имеет какую-то степень, и никогда не может быть абсолютно нулевым, если вообще есть какое-то восприятие. Но мы также знаем, что его можно мысленно уменьшать до исчезновения, и это позволяет применять математику и к качеству. Физика непрерывных величин (например,

интенсивность света) основывается на этой антиципации. И самое замечательное: мы заранее знаем, что «пустое пространство» или «абсолютный холод» — лишь границы, но не реальные предметы восприятия. Таким образом, рассудок предвосхищает, что каждое ощущение имеет непрерывную шкалу.

3. Аналогии опыта. Это самая важная и сложная группа. Их общий принцип: «Опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий». Здесь три аналогии, соответствующие трём категориям отношения.

Первая аналогия — закон постоянства субстанции: «При всякой смене явлений субстанция остаётся постоянной, и количество её в природе не увеличивается и не уменьшается». Простыми словами: что бы ни менялось, есть что-то, что сохраняется. Когда тает лёд, превращаясь в воду, а вода в пар, количество вещества не исчезает. Мы не можем помыслить, что вещь возникает из ничего или исчезает в ничто; мы всегда ищем подлежащее изменений — субстанцию. Это априорное правило обеспечивает единство времени: если бы субстанция исчезала, время разрывалось бы, нельзя было бы сопоставлять «до» и «после». Как в театре: актёры меняют костюмы, но сцена остаётся.

Вторая аналогия — закон причинности: «Все изменения

происходят по закону связи причины и действия». Всякое событие (изменение состояния) предполагает нечто предшествующее, из которого оно следует согласно правилу. Брошенный мяч летит — причина в толчке; зацвёл цветок — были семя, вода, солнце. Но суть не в конкретных эмпирических причинах, которые ищет учёный, а в самом априорном принципе, что без необходимого правила последовательности мы не могли бы отличить субъективную игру воображения от объективного события. Мы видим корабль, плывущий вниз по реке: мы не можем воспринять его сначала в нижней точке, а потом в верхней; последовательность необратима, и это подводится под категорию причины. Именно так опыт приобретает связность. Причинность — это клей, скрепляющий моменты времени в единую историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.